

Е. Н. Жигулев, Н. В. Леонова
НАРОДНОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ХРИСТОСЛАВЛЕНИЕ
(из материала сибирской традиции)

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ ИМ. М. И. ГЛИНКИ

СИБИРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

2001

ЕЖЕГОДНИК

Е. И. Жимулева, Н. В. Леонова

НАРОДНОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ХРИСТОСЛАВЛЕНИЕ (на материале сибирской традиции)

Июль 1981 года, село Локти Мошковского района Новосибирской области, в течение нескольких дней мы – участники фольклорной экспедиции Новосибирской консерватории, в числе которых был и один из авторов этой статьи, – плодотворно работая с жителями переселенческого края села, никак не можем добиться расположения тех, кого здесь называют старожилками. И наконец, уже в конце экспедиционного периода мы получили приглашение в дом одной из пожилых чалдонок, у которой на Ивана Купалу собирается традиционное женское застолье «вскладчину». Семь принарядившихся женщин, родственниц и близких подруг, усаживаются за хлебосольным столом, приглашают и нас к застолью, но быстро смиряются с тем, что нам надо «работать», а посему позволяют вмешиваться в тематику разговоров и хотя бы частично определять певческий репертуар.

За столом звучат традиционные и поздние лирические песни, романсы в неожиданной многоголосой форме с регистрово-тембровыми дублировками голосов обычной для старожилов «ленточной» фактуры, предстают совершенно не соответствующие ситуации и возрасту наших песенниц игровые песни. Женщины пытаются вспомнить старинные свадебные песни, которые «только в Локтях и были хороши» и сверх тех, что мы уже записали от орловских переселенцев из рода Кутафиных. Говорят, что песен к праздникам (мы имели в виду календарные, когда задавали вопросы, а наши собеседницы ориентировались, как они сказали «по старинке», вспоминая праздники, периоды и даты православного календаря) они не знают: «Это в Расее колядовали, а у нас нет».

– Так что ж, ничего и не пели?

– Да как же не пели. Вот на Рождество славили:

Рождество Твое, Христе Боже наш...

Это позже мы узнали, что нам спели рождественские тропарь и кондак, которые во многих традициях по разным причинам выполняли функции календарных песен, а в тот момент мы вежливо записали услышанное на магнитофон, преисполненные чувством плохо скрываемого разочарования – это не фольклор...

Важное место в развитии русской народной культуры занимает взаимодействие двух канонических, по существу, традиций: фольклорной, устной, и православной, в значительной степени связанной с письменной фиксацией. Процессы взаимопроникновения этих форм самосознания протекали постоянно, начиная со времен крещения Руси. При этом возникающие противоречия между церковной идеологией и языческим характером народных обрядов, в разные исторические периоды разрешаясь по-разному, чаще всего приводили к различного рода компромиссам. Проявления православной обрядности можно обнаружить в семейно-обрядовой сфере фольклора, в связи с ритуалами крещения, свадьбы и похорон. Наиболее же заметно прослеживается влияние церковного месящеслова на народные календарные праздники, выражав-

шееся в приуроченности дохристианских праздников и сезонных работ к памятным церковным дням.

Интересно, что степень христианизации народных обрядов была неодинакова в различных календарных праздниках, поэтому существовали праздники с преобладанием либо христианского, либо языческого начал. Например, древний славянский праздник Ивана Купалы оказался мало сочетаем с днем памяти св. Иоанна Крестителя, языческие обряды в течение долгого времени сохраняли свою первородную самобытность, хотя и подвергались настойчивым гонениям со стороны служителей православной церкви. Отдельные дохристианские ритуалы и ритуально-игровые комплексы (закливание весны, похороны Костромы, традиция кулачных боев) почти полностью исчезли под давлением церкви. В большинстве же случаев христианская направленность органично проникала в

народные праздники, выполняя тем самым функцию «благословения» обряда и мирясь с остатками язычества. Примерами здесь могут служить Святки, Масленица, Семицкая неделя или же церковное поминовение усопших (родительские дни), вытеснившее некогда развитый культ предков.

Необходимо отметить, что влияние христианской и фольклорной традиций было взаимным, это видно из привнесения элементов народных обрядов в церковную практику (например, украшение храма березовыми ветками на Троицу). Кроме того, в церковном календаре сохранились народные названия отдельных праздников. Так, за Фоминой неделей (первое воскресенье после Пасхи) осталось название Красной горки, за днем пасхального поминовения усопших признано название Радунницы, Зелеными святками называют период от Вознесения до Троицы; подобная картина наблюдается в отношении Святков (праздничные дни от Рождества до Богоявления) и Масленицы (она же Сырная седмица).

Вопрос о взаимоотношениях церковной и фольклорной традиций интересен и в плане музыкального искусства. В целом взаимодействие профессиональной и народной музыки общеизвестно, многими авторами высказываются мысли о проникновении интонационного строя русской народной песни в церковное пение¹, а также об обратном влиянии, проявившемся в былинном эпосе и духовных стихах². Специально же проблема перехода произведений из одной традиции в другую, а именно функционирование православных песнопений в фольклорной среде, в отечественном музыкознании не рассматривалась. Во многом это зависело от идеологического запрета советского периода, делавшего такие темы непопулярными (впрочем, в более ранний период обозначенное явление, скорее всего, рассматривалось как отклонение от истинного православия), другая же причина, очевидно, связана с интеркультурной природой интересующего нас явления, приводящей к тому, что образцы этих переходных форм оставались вне поля зрения и фольклористов, и исследователей церковной музыки.

Интерес к проблеме фольклорно-христианских связей заметно возрастает в 80-е годы XX века; так, в ходе знаменитых полесских этнолингвистических экспедиций, организованных Н. И. Толстым в 1980–1983 годах, ряд специалистов (О. В. Белова, О. А. Терновская, А. В. Максимов) целенаправленно ведут сбор материалов по народному православию. Активизируется изучение ранее закрытых жанровых сфер – легенд, духовных стихов, различных аспектов традиционной культуры старообрядцев. После праздни-

вания 1000-летия крещения Руси появляется ряд работ, демонстрирующих новую концепцию историко-этнографических исследований народной культуры³. Во второй половине 90-х годов XX века выходят из печати музыковедческие исследования, поднимающие проблему аккумуляции православных песнопений в процессе их фольклорного бытования. Примечательно, что в поле зрения музыковедов попала предельно фольклоризирующая все инородные элементы смоленская традиция, а основным объектом внимания стал пасхальный тропарь, закрепившийся в весенних календарных обрядах, органично вошедший в народно-песенную традицию и приобретший «свойства знака сезона»⁴.

Известно, что круг богослужебных текстов, звучащих за пределами храма, не исчерпывается пасхальным тропарем, в подобных ситуациях встречается тропарь Казанской иконе Богородицы, а также песнопения чина отпевания, перешедшие в похоронный обряд. Наиболее же развитый цикл составляют жанры рождественской службы, включенные в обычай христославения святочного календарного периода.

О рождественском христославении существует работа А. Н. Розова⁵, обобщающая значительный массив письменных источников XIX–XX веков, содержащих упоминания об этом явлении. Из статьи мы узнаем о происхождении святочного обычая, берущего свое начало от поздравительного обхода домов священнослужителями в праздник Рождества и таким образом совмещившегося, хотя и не слившегося полностью, с обрядом колядования. Точное время возникновения обычая христославения неизвестно, однако по ряду причин можно предположить, что этот обычай достаточно позднего происхождения и распространился на территории России и Украины в XIX – начале XX века. Нас же, главным образом, интересует бытование рождественского славения в Сибири и процессы фольклоризации, происходящие с церковными жанрами, исполнявшимися во время святочного обычая (учитывая при этом отсутствие сибирского материала у Розова).

Одно из самых ранних упоминаний о христославении содержится в книге А. А. Макаренко «Сибирский народный календарь», где говорится о том, что «повсеместно «на свету» (ранним утром) первого дня праздника ребятишки (иначе «челядь») бегают по избам и славят «Рождество Твое, «Христе Боже наш», а также «в с. Кежме <...> ходили в дни Рождества по домам бедных и богатых и славил Христу, распевая рождественские «ермоса» (по-местному – молитвенные песнопения). По окончании пения поздравляли

хозяина и хозяйку с праздником «Рождеством Христовым». Домохозяйка одаривали славельщиков»⁶. Есть и другие косвенные свидетельства об исполнении церковных жанров во время рождественских обходов⁷, а также сведения об усилении христианских элементов в рождественских обрядах, вытеснении колядок в ряде районов «молитвами, рацейками, псалмами»⁸.

Настоящее исследование опирается на полевые материалы (главным образом, это звукозаписи) и описания этнографического контекста, содержащиеся в современных публикациях. Записи рождественских славлений были сделаны во время фольклорных экспедиций Новосибирской консерватории и Новосибирского педуниверситета, проходивших с 1975 по 1995 (в основном, в 80-е) годы. Сбор материала проводился на территории Новосибирской области, Алтайского края, единичные образцы записаны в Омской, Тюменской областях и в Приморском крае. В настоящее время звукозаписи хранятся в Архиве традиционной музыки НГК и Государственном архиве Новосибирской области (фонд М. Н. Мельникова) НГПУ. На данный момент рассмотрены 30 образцов рождественских слав, представленных в виде 24-х аудиозаписей, двух словесных и четырех нотированных текстов.

Спектр жанровых обозначений изучаемых фольклорных образцов достаточно широк – «рождественская колядка», «церковная рождественская» [песня], «Рождество Твое», чаще всего встречается «рождественская слава»; интересно, что исполнители нигде не упоминают названий канонических жанров. Более подробны рассказы информантов об обстоятельствах христославения.

Из этих комментариев выясняется, что рождественское славление совершалось ночью либо рано утром на Рождество во время праздничных обходов домов сельской молодежью для поздравления своих односельчан. «В Рождество ходили по домам, заходя в каждый дом вдоль улицы, сначала по одной стороне, затем по другой, славили Христа. Вечером ходили взрослые, днем – дети». «На Рождество школьники ходили славить Христа и пели “Рождество Твое...”». Хозяева давали им деньги, у кого что было. Заходили ко всем в деревне, кроме тех, у кого собаки злые были»⁹. По воспоминаниям исполнителей, христославов не смущало даже возможное отсутствие вознаграждения: «Ну, не падарют – ладно, не обязательно. Не из-за этого ходили, умные люди, а из-за того, чтоб Христа прославить»¹⁰. В звукозаписях встречается упоминание об участии в поздравительном обходе домов священника: «На третий день Рождества привозили попа, иконы привозили за семь

километров; поп ходил в каждый дом, служил Рождество» (И. Г. Печенкина, Черепановский район НСО). Интересно также другое воспоминание очевидцев-исполнителей о связи с церковной практикой: «Раньше на Рождество в церковь ходили. Вот приходишь в церковь, заходишь. <...> Вот батюшка начинает службу. Доходит дело до того, что пока молитвы там прочтут, херувимы споют, потом начинается Рождество. Тогда хором поют “Рождество Твое, Христе Боже наш”»¹¹. Размышляя над этой информацией, можно представить процесс выучивания прихожанами богослужебных текстов, проходящий непосредственно во время рождественской службы.

Упоминаемое «Рождество Твое» – рождественский тропарь, краткое песнопение, в поэтической форме раскрывающее основную идею, смысл праздничного события, являющееся своеобразным знаком каждого праздника. Тропарь Рождеству звучит в храме на протяжении всего праздничного периода, длящегося 7 дней и завершающегося отданием праздника 13 января. Наиболее «концентрированно» тропарь исполняется на торжественном богослужении, совершаемом в канун праздника, обычно в ночь с 6-го на 7-е, либо утром 7 января. Во время этой службы тропарь четыре раза поется на великом повечерии с литией, столько же раз звучит в течение утрени, читается на часах, четыре раза исполняется на литургии на третьем антифоне и один раз по малом входе, а также может петься за причастным стихом и по окончании богослужения в виде отдельного славения. Можно заметить, что это песнопение пронизывает всю службу, устойчиво закрепляясь в памяти поющих и слушающих; кроме того, традиционно в пении тропаря участвуют не только певчие, но и вся церковная община, таким образом тропарь выучивающая.

Другой канонический жанр, кондак «Дева днесь», отражающий содержание праздника в повествовательной форме как последовательность событий, звучит реже, по одному разу на повечерии, утрени и часах и три раза на литургии. Третий церковный текст, также иногда встречающийся в христославении – ирмос 1-й песни рождественского канона «Христос рождается», поется дважды, в начале и на катавасии первой песни канона в соответствующем разделе утрени. Кроме того, рождественские ирмосы начинают звучать более чем за месяц до Рождества, с двенадцатого праздника Введения во храм Богородицы (4 декабря) на катавасии канона праздничных (воскресных и великим святым) вечерних служб.

Интересно, что подобный порядок песнопений своеобразно сохраняется и в народной форме

празднования Рождества. В рассмотренных нами фольклоризованных образцах ирмос занимает начальное место, как бы предваряя собой славление, после чего звучит устойчивая последовательность тропарь+кондак (из шести раз на богослужении кондак четыре раза следует за тропарем). Тропарь является самым главным элементом, ядром рождественской славы, обязательно присутствует во всех ее образцах. Кондак встречается более чем в половине случаев, один раз эта устойчивая структура (тропарь+кондак) разбивается песнопением «Слава и ныне», появляющимся после тропаря, создавая тем самым последовательность исполнения этих песнопений очень сходную с богослужебной. Ирмос зафиксирован в малом количестве образцов (три текста, один из которых записан не полностью), очевидно, этот жанр считался менее обязательным в христославлении, чем тропарь и кондак. Единжды появляется многолетие, звучащее в заключительной части славения.

Несмотря на то, что сами исполнители почти не упоминают о колядках, а в некоторых случаях даже разводят эти понятия, говоря о том, что «русский праздник справляли, Рождество славили», а «коляды были – Новый год пославить» (Е. М. Колотай, уроженка Тогучинского района НСО), обычай христославения имеет много общего с обрядом колядования. Сходные моменты прослеживаются в структуре обоих явлений, главным образом, в их начальных и заключительных частях. В обоих случаях в начале звучат приветствия и спрашивается разрешение у хозяев для дальнейших действий. Заключительная часть состоит из поздравлений с праздником, благопожелания и просьб о вознаграждении («открывай сундучок, доставай пяточок»), иногда сопровождаемых шуточными угрозами в адрес скупых хозяев («не дадите мешка – я корову за рожка, не дадите теста – я корову с места, не дадите пирога – я корову за рога» и т. п.). В двух случаях в заключительной части зафиксированы колядки. Таким образом, структура рождественской славы представляет собой органичное сочетание жанров православного богослужения и фольклорных образцов.

Переходя в фольклорную среду, рождественские песнопения переосмысливаются, трансформируются, начинают жить новой жизнью в народном сознании. Изменения, происходящие с ними, можно проследить на уровне словесных текстов и напевов.

В результате проведенного сравнительного анализа фольклорных вариантов рождественских текстов с их каноническими первоисточни-

ками можно разделить тексты по степени сохранности на полные, где присутствуют все строки, тексты с пропуском отдельных строк и неоконченные тексты. Среди последних выделяются тексты, совмещающие строки тропаря и кондака (три случая) и брошенные, недопетые варианты. Образцы, совмещающие строки из тропаря и кондака, скорее всего можно объяснить частичной утратой из памяти исполнителей текстов обоих канонических жанров и, вероятно, своеобразной интерпретацией того, что сохранилось. Недопетые же, брошенные варианты тропаря возникают в результате несоответствия слов и музыки (исполнители ощущают, что поют канонический текст на неподходящий для него напев и обрывают пение) или же (в случаях с кондаком) в результате «забытости» песнопения.

В ходе дальнейшего текстологического анализа становится ясно, что расхождения между каноническим первоисточником и его фольклорными вариантами присутствуют практически во всех зафиксированных образцах, проявляясь на разных уровнях. Среди них можно выделить фонетические и морфологические изменения, омонимические замены, добавленные и пропущенные слова.

Фонетические изменения, совершаемые неосознанно и не влияющие на смысловое наполнение текста, касаются, в основном, трудно проговариваемых слов церковно-славянского языка, приближая их к более современным по произношению. Так, начинают звучать слова *Рождество* > *Ражество*, *волсви* > *волхвы*, *превечный* > *предвечный*, *пастырьми* > *пастроми* и т. п. В некоторых случаях, возможно, сыграли свою роль диалектные и индивидуальные особенности произношения (*Отроча* > *Вотроча*, *путешествует* > *патешестваит*).

Морфологические изменения также можно объяснить стремлением приблизить церковно-славянские формы слов (смысл которых чаще всего достаточно ясен) к их современным вариантам. Такие изменения встречаются наиболее часто: *мирови* > *мира*; *звездам* > *звезда*, *звездой*; *служащие* > *служащийся*, *служа*; *учахуся* > *исчахуся*, *чахуемся*; *кланяться* > *кланяемся*; *родися* > *родился* и др. В отдельных случаях морфологические изменения соединяются с переосмыслением слов. Так, слово *ведети* начинает звучать как *видим*, происходит омонимическая замена слова *ведать* («знать») на *видеть* (ср. *И Тебе ведете с высоты Востока* > *И Тебя видим с высоты Востока*).

Кроме описанной, в текстах фольклорных вариантов церковных жанров встречается ряд

других устойчивых омонимических замен. Подобные трансформации происходят в словах *в нем бо* («через него») > *в небо* (ср. *в нем бо звездам служащие* (имеются в виду волхвы) > *небо звездою служащее*), *бо* («ибо») > *Бог* (ср. *нас бо ради родися* > *наш Бог ради родился*), а также имеет место более глубокое преобразование канонического текста в словосочетании *вертеп Неприступному приносит* > *вертепному преступному* (вариант *приступному*) *приносит* (ср. и *земля вертеп Неприступному приносит* > и *земля вертепному преступному (приступному) приносит*). Очевидно, народное сознание в данном случае вкладывает в слово «вертеп» совсем иное значение, по сравнению с тем, которое оно имеет в церковно-славянском языке, а именно «вертеп» как скрытый притон (вертеп разбойников) вместо более раннего, забытого значения *вертеп* как «пещера». Образую вместе с измененным словом *Неприступному* > *преступному (приступному)* новое словосочетание, меняя при этом смысл всей фразы, народное мышление заметно драматизирует содержание кондака, вносит в него яркие контрасты, возникающие при сопоставлении *Девы* (1-я строка) и *ангелов* (3-я строка) с чем-то *вертепным преступным*. Видимо, в случаях омонимических замен мы сталкиваемся с явлением «народной этимологии», при которой малоизвестные слова «подвергаются переделке и переосмыслению вследствие сближения с созвучными знакомыми словами»¹², т. е. получают при этом новое значение. В то же время, вышеописанная строка становится незаконченной, неясной по смыслу, из чего можно сделать вывод, что здесь наряду с явлением народной этимологии присутствует и просто механическое проговаривание слов. Можно предположить, что исполнители примерно представляют себе значение каждого слова, но не всегда в полном объеме осознают смысл всей фразы.

Из всего вышесказанного о словесных текстах рождественских песнопений можно сделать вывод о том, что описанные изменения свидетельствуют о частичной утрате текста, забвении первоначального смысла, вложенного в канонические жанры. Но в то же время они обусловлены желанием своеобразно интерпретировать тексты, «перевести» их на «свой», более понятный язык, приблизить к современному звучанию и пониманию.

В отношении напевов фольклорных вариантов рождественских песнопений известно, что большая часть образцов ориентирована на канонические версии этих песнопений, на современные обиходные гласы. Канонические напе-

вы представлены в фольклорной практике широким спектром вариантов. Проиллюстрируем это на материале рождественского тропаря. Канонический вид тропаря (пример 1) представляет собой многоголосное песнопение с хоральным типом фактуры, несимметричным музыкальным ритмом, зависящим от ритма произнесения словесного текста, парным объединением строк и секундовой переменностью устоев внутри каждой пары.

В качестве образца, наиболее полно воспроизводящего комплекс вышеотмеченных признаков, можно представить вариант из Мошковского района НСО (пример 2). В нем присутствует та же парная структура объединения строк, следующий за словом музыкальный ритм с каденционными замедлениями, многоголосная певческая фактура и переменность устоев в концах строк. Однако фольклорный образец, подобно народной песне, начинается с сольного запева, к которому в дальнейшем присоединяются второй и третий голоса, дублируя основной нижний голос в октаву и дециму, что способствует мелодизации всей фактуры, усиливая линейные связи в противовес гармонической соподчиненности голосов первоисточника. Ладовая переменность также приобретает новое качество, гармонически зависящая секундовая переменность ослабевает и теряет свою определенность из-за отсутствия вводного тона к переменной опоре. Особенности народно-певческой манеры проявляются в появлении большего количества распевов по сравнению с первоисточником, а также в интонационном скольжении между отдельными ритмически выделенными тонами.

В сольных вариантах тенденции отклонения от первоисточника, как правило, усиливаются. В фольклорном образце из Куйбышевского района НСО (пример 3) наблюдается большая ритмическая свобода, связанная с продлением или сокращением отдельных слогов, устойчивая мелодическая распетость каденционных участков нечетных строк, еще более ярко выраженная, нежели в предыдущем примере, глиссандирующая манера интонирования мелодических распевов.

Можно высказать разные предположения о путях появления подобных народных интерпретаций православного песнопения. Вероятно, это связано с преломлением канона в местных церковных традициях, поскольку в церковной практике также существует определенное поле вариантов реализации канона, создавая ситуацию во многом сходную с фольклорной. Кроме того, исполнительский опыт поющих тоже мог формироваться под воздействием разных обстоятельств,

среди которых выделяются источник исполняемой версии (богослужебная или фольклорная практика) и фольклорные певческие пристрастия исполнителей. Дальнейшие исследования, в частности, сопоставление фольклоризовавшихся

текстов с собственно фольклорными произведениями одной локальной традиции, позволят более аргументированно определить причины и обстоятельства формирования народно-песенных редакций рождественских песнопений.

— Здравствуйте, хозяева! С праздником вас, с Рождеством Христовым! Не жалеете ли Христа прославить?

Этот призыв-приглашение к праздничному славению можно услышать и в наше время в сибирских городах и деревнях, везде, где находятся желающие возродить добрую народную традицию. После нескольких десятилетий забвения обычай рождественского христославения появляется вновь примерно с середины 90-х годов XX века. Примечательно, что в отдельных местах (например, в городе Бердске) славят Рождество в течение нескольких лет, т. е. можно говорить о том, что начинает складываться устойчивая, постоянная практика праздничных поздравлений. Инициатива проведения христославения, как и прежде, чаще всего принадлежит священнослужителям либо людям из церковной среды — преподавателям воскресных школ, регентам. В группы христославщиков обычно входят клиросные певчие, в основном дети, молодежь, к которым присоединяются и пожилые люди. Репертуар славения сохраняется прежний: это рождественские песнопения, колядки с христианскими сюжетами, веселые просьбы-требования вознаграждения. Хозяева с радостью встречают славильщиков, приглашают в дом, благодарят за благопожелания. Возможно, этот старинный русский обычай празднования Рождества не только в храме, но и в домах людей установится и закрепится «на многие лета».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История русской музыки / Под общ. ред. А. Кандиного. — 4-е изд. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 14.

² Орлова Е. М. Лекции по истории русской музыки. — М., 1985. — С. 68.

³ Православие и русская народная культура / Отв. ред. М. М. Громыко. — М., 1993. — Кн. 1-2; Белова О. В. Народное православие Полесья // Живая старина. — 1994. — № 3. — С. 46-47; Бернштам Т. А. Новые перспективы в познании и изучении традиционной народной культуры (теория и практика этнографических исследований). — Киев, 1993; Программа сбора полевого этнографического материала по теме «Православие и русская народная культура» // Традиционная народная культура русских: Сборник программ и вопросников для этнографических исследований / Отв. ред.-сост. Б. В. Горбунов. — Рязань, 1997.

⁴ Енговатова М. А. Пасхальный тропарь «Христос воскрес» в народной песенной традиции западных русских территорий // Экспедиционные открытия последних лет. Сер. «Фольклор и фольклористика». — СПб., 1996. — С. 72-87; Теплова И. Б. Распев пасхального тропаря «Христос воскрес» в крестьянской традиции северо-западных областей России // Православие и культура этноса: Междунар. науч. симпоз. 9-13 окт. 2000 г., г. Москва: Тез. докл. — М.: Старый сад, 2000. — С. 63-64; Подрезова С. В. Пасхальный тропарь «Христос воскрес» в северо-восточных районах Смоленской области: К проблеме

ладоинтонационного анализа // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. — СПб., 2001. — Вып. 1. — С. 172-210;

⁵ Розов А. Н. Русское рождественское христославение: Материалы и исследования // Русский фольклор. — СПб., 1999. — Т. XXX: Материалы и исследования. — С. 20-53.

⁶ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. — Новосибирск, 1993. — С. 88-89. (Первое издание было осуществлено в 1913 году.)

⁷ Роменская Т. А. История музыкальной культуры Сибири от походов Ермака до крестьянской реформы 1861 года. — Томск, 1992. — С. 75.

⁸ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. — Новосибирск, 1981. — С. 16, 23.

⁹ Народный календарь Кемеровской области / Сост. Е. И. Лутовинова. — Кемерово, 1998. — С. 133.

¹⁰ Сигарева М. Н. Зимний календарный фольклор Петропавловского района (по материалам экспедиций 1997-1999 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы науч.-практич. конф. / Под ред. Н. А. Демина, Т. К. Щегловой. — Барнаул, 2001. — Вып. 4. — С. 167.

¹¹ Народный календарь Кемеровской области... С. 130-131.

¹² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — 3-е изд., стереотип. — М. — Т. 1. — 1999. — С. 17.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Тропарь Рождества Христова

Повествовательно

*

Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума.

в нем бо звездам служащи и зведою учахуся

Тебе кланяться, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты востока.

Господи, слава тебе.

* На каждый слог, над которым нет нот, пропеваается последнее указанное до него созвучие.

2. Рождество Твое

Рождество Твое, Христе Боже наш,

возсия мирови свет разума,

в нем бо звездам служащи,

и зведою учахуся.

3. Рожжество Твоё

Е. Н. Жигулева, Н. В. Леонова

НАРОДНОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ХРИСТОСЛАВЛЕНИЕ
(на материале сибирской традиции)

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ ИМ. М. И. ГЛИНКИ

СИБИРСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

2001

ЕЖЕГОДНИК

НОВОСИБИРСК • 2002